

смысловое единство слова позволяет ему при любом количестве и разнообразии значений оставаться самим собой.

Таким образом, системно-семасиологический аспект изучения русской лексики дает необходимые знания о лексической системе, закономерностях ее функционирования, стилистических ресурсах, способствует предельной точности, логичности и ясности выражения мыслей, и поэтому весь перечисленный выше материал должен быть усвоен студентами-филологами в процессе изучения лексики.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1978.
Звегинцев В.А. Функция и цель в лингвистической теории // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. 1977.
Прохорова В.Н. Актуальные проблемы современной русской лексикологии. М., 1973.
Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка 30–90-х годов XIX в. М.: Л., 1965.
Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972.
Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М., 1972.

Поступила в редакцию 27.05.2004.

Ольга Ивановна Ровдо – преподаватель кафедры прикладной лингвистики филологического факультета, соискатель кафедры риторики и методики преподавания языка и литературы филологического факультета. Научный руководитель – доктор педагогических наук, профессор кафедры риторики и методики преподавания языка и литературы филологического факультета, Заслуженный деятель науки РБ Л.А. Мурина.

С.В. УКЛЕЙКО

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ВТОРОСТЕПЕННЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ШКОЛЕ

Изложен функциональный подход к изучению второстепенных членов предложения в школе: их коммуникативного ранга, способности оформлять смысловую связь и быть средством связи предложений в тексте.

The functional approach to the study of the secondary parts of the sentence at school has been stated: their communicational rank, their possibility to make a sensible connection, to make the sentence a means of communication in the text.

Коммуникативная направленность содержания всех разделов школьного курса русского языка предполагает «...учет функционально-семантических особенностей фактов языковой системы, минимизацию теоретических сведений на основе их значимости для речевой деятельности» (Программа 2003, 4). Изучение в школе с этой позиции второстепенных членов предложения подразумевает знакомство учащихся с функциональными резервами второстепенных членов и формирование у них умения использовать текстообразующую роль второстепенных членов для решения конкретной речевой задачи, для реализации коммуникативного намерения.

Определение, всегда занимающее приименную позицию, характеризует-ся прежде всего соотношением с вопросами какой? чей?, морфологизированной для определения формой полных прилагательных, а также возможностью других частей речи вступать в определительные отношения. В школьной практике принята такая дефиниция определения, в которой заложено значение определения и вопросы, на которые этот член предложения отвечает.

Определение связывается с определяемым словом атрибутивной связью, т. е. связью между предметом и любым вневременным и внемодальным признаком. В зависимости от лексического наполнения определения выделяют качественный атрибут (*Синие цветы*), количественный атрибут (*Пятый вагон*), релятивный атрибут (*Самолет взлетел в синеву неба*), possessивный атрибут (*Мы жили в доме дедушки*) (Семантика 1983, 8). В дей-

ствующем учебнике русского языка для 8 класса семантические разновидности определений детализированы и упоминаются, например, определения со следующими значениями: происхождения (*студент из крестьян*); источника (*письмо от друга*); отсутствия чего-либо (*дом без окон*); назначения (*лес для постройки*); уподобления (*сапоги гармошкой*) и др.

«Под маской» определения часто скрывается «разжалованный» агент, ср.: *Он выслушал редакторские замечания и Редактор высказал ему свои замечания; Его фамилию упоминают в приказе министра и Министр упоминает его фамилию в своем приказе*» (Вопросы 1989, 26). Часто именно атрибутивные компоненты составляют «информативный» центр высказывания, ср.: *«Я покажу вам самую короткую дорогу на почту»* (Вопросы 1989, 26). Согласованные определения, выраженные именами прилагательными, играют большую роль в структурно-семантической организации предложения: «...фоновое значение определения (значение признака предмета) может существенно усиливаться, превращаясь в информационный центр и предложения и текста. Этим и объясняется близость определения и сказуемого» (Рабчинская 1994, 97).

Действительно, между определением, которое называют «погашенным сказуемым», и собственно сказуемым существуют промежуточные позиции. Чаще всего это наблюдается в предложениях с составным именным сказуемым (*Мы вернулись из похода радостные и возбужденные*), обозначающих сразу две ситуации: *Мы вернулись из похода* и *Мы радостные и возбужденные*. Близость определения и сказуемого в данном случае можно подтвердить и тем, что изменение порядка слов в предложении *Мы вернулись из похода радостные и возбужденные* ведет к осложнению его обозначенными членами со значением добавочного сказуемого: */Радостные и возбужденные/, мы вернулись из похода*.

Определение выполняет в предложении декорационные функции: оно, как правило, реализует функцию индивидуализации предметов/участников события, отражения их отличительных особенностей. Во многих случаях определения становятся синтаксической доминантой текста, на которую называются остальные смысловые части и без которой текст теряет свою смысловую завершенность и цельность:

Слезы людские, о слезы людские, // Льетесь вы ранней и поздней порой... // Льетесь безвестные, льетесь незримые, // Неистощимые, неисчислимые, – // Льетесь, как льются струи дождевые // В осень глухую, порою ночной. (Ф. Тютчев)

В стихотворении на 23 знаменательных слова приходится 11 прилагательных, выполняющих функцию определения. Однако в данном тексте наблюдается два случая синкретизма определения и других членов предложения: во-первых, определения и обстоятельства времени («*льетесь... ранней и поздней порой*» и «*льются... в осень глухую, порою ночной*»), во-вторых, определения и сказуемого («*льетесь безвестные, льетесь незримые, неистощимые, неисчислимые*»). В тексте наблюдается также превращение определения, наполненного эмоционально-экспрессивной окраской, в художественное средство – эпитет («*в осень глухую*», «*слезы безвестные*»).

Определение может быть средством связи предложений в тексте. Особенно это касается несогласованных определений, выраженных косвенным падежом существительного или несклоняемым местоимением и обозначающих пассивный признак: *Сердце Боброва похолодело и до боли жгло. Он тихонько отыскал свою шляпу и осторожно вышел на крыльцо. Его ухода, впрочем, и так никто бы не заметил.* (А.И. Куприн. Молох.) В первом предложении известное выражено словосочетанием «*сердце Боброва*», где «*Боброва*» – несогласованное определение, собственное существительное в форме родительного падежа, в последнем предложении –

словосочетанием «его ухода», где зависимое слово является несклоняемым притяжательным местоимением. Именно слова «Боброва», «он», «его» составляют цепочку слов – средств связи трех предложений в единое целое, причем два слова из названных занимают в предложении позицию определения.

Таким образом, кроме традиционно изучаемых в школе значения, способов выражения определения, его видов, следует уделить внимание коммуникативной значимости и значительности этого члена предложения, поскольку определение отображает в тексте отличительные особенности предметов/лиц и является синтаксической доминантой текстов-описаний, а также оформляет смысловую связь и выполняет роль средств связи предложений в тексте, что позволит школьникам при продуцировании высказываний свободно использовать текстообразующие возможности определения.

Дефиниция дополнения в школьной грамматике отражает суть его как члена предложения, обозначающего предмет, связанный с действием или состоянием, и отвечающего на вопросы косвенных падежей.

Значение дополнения напрямую зависит от значения управляющих слов и изменяется в зависимости от их разнообразных значений. Дополнение и его противочлен выражают объектные отношения, между этими членами в предложении существует объектная связь. Однако «...несомненно, что с грамматической точки зрения в сочетаниях *рублю дрова, рублю топором, корзина цветов, дом строится рабочими* выражаются разные связи: объектная, инструментальная, количественная, агентивная» (Мигирин 1961, 47).

Действительно, система дополнений, характеризуемых по значению предиката, отражает различные виды объектов: «1) объект прямого воздействия (*Мы переплетаем книги*». – выделено С. У.), 2) объект адресатный (*Ему уже доложили*), 3) объект содержания (*Ему уже доложили обо всем*), 4) объект орудийный (*Он уже пишет красками*), 5) объект обладания, владения, принадлежности (*Он имеет дом*), 6) объект целевой (*Он стремится к знанию*), 7) объект локализованный (*Нам еще далеко до ба-зы отдыха*), 8) объект восприятия (*Я слышу шум*), 9) объект-источник (*От каждой школы взяли по представителю*)» (Проблемы 1974, 8).

Основу дополнения как второстепенного члена предложения составляют слова с объектным значением (прямой объект – прямое дополнение, косвенный объект, адресат, инструментатив). Как правило, эти словоформы поясняют глаголы (*Ребенок рисует красками*). Второй «круг» поля «дополнение» включает объектное дополнение, поясняющее имя прилагательное (*Не склонный к размышлениям студент*) или абстрактное имя существительное (*Идет строительство дома*). «Периферию дополнения составляют приглагольные субстантивные словоформы со смешанной объектно-релятивной и релятивной семантикой, напр.: *Дочь присутствовала в столовой для украшения стола* (А.И. Куприн)» (Семантика 1989, 14). В качестве дополнения может выступать и инфинитив, приобретающий не типичную для него объектную семантику при глаголах со значением речи, мысли, чувства, например: *Лиза попросила брата принести необходимые книги*.

Дополнение может входить в модель предложения, в его предикативный центр (*У ребенка ангина*), поскольку субъект как один из основных компонентов семантической структуры может иметь различное формальное выражение (кроме им. пад., например, форму род. пад. – *До меня дошли слухи о произошедшем*, дат. пад. – *Мне плохо*, твор. пад. – *Со мною произошло несчастье* и т. д.). И если в предложении со значением активного действия субъект-агент является подлежащим (*Ученики решили задачу*), то в пассивной структуре тот же субъект-агент занимает позицию дополнения (*Задача решена учениками*).

Перевод подлежащего в позицию дополнения понижает его коммуникативный ранг, поскольку смысловой центр предложения с имени субъекта-агента перемещается на имя «бывшего» объекта. Тем не менее позиция

дополнения обладает достаточно высоким коммуникативным рангом, занимая третье место после подлежащего и составного именного сказуемого. В позиции дополнения оказывается имя действия (или признака) в случаях, когда место подлежащего занимает активный субъект (*Руководит* лицеом директор – *Руководство* лицеом осуществляет директор; *Девочка скромная* – *Девочка отличается скромностью*). Без сомнения, сочетания *осуществляет руководство* и *отличается скромностью* в предложении выполняют функцию предиката, но формально они представляют собой сочетание позиций сказуемого и дополнения.

Дополнение также участвует в таком осложнении простого предложения, которое не оформляется оборотом, но содержит дополнительную предикацию и, следовательно, способно выражать вторую, добавочную ситуацию. Классический пример подобного осложнения предложения – предложения с объектным инфинитивом (*Я велел ямщику ехать*). Это еще один функциональный резерв дополнения, способного быть синонимичным сложноподчиненному предложению с придаточной изъяснительной (*Я велел, чтобы ямщик ехал*).

Смысловой вес членов предложения определяется в каждом предложении его коммуникативным заданием, т. е. тем, **о чем** говорится, и тем, **что** говорится (известным и новым). Дополнение в одинаковой мере часто может выступать и как известное, и как новое, например: *Метод сравнения всегда способствовал выявлению специфики рассматриваемых явлений. Им, как известно, пользовался еще Аристотель в своей «Поэтике». К нему прибежал и Белинский в известной статье «Разделение поэзии на роды и виды». Этот метод широко применяется в современном литературоведении и фольклористике.* (С.Г. Лазутин. Поэтика русского фольклора.) Предложения в данном тексте связаны по принципу связи через известное. Позицию известного во втором и третьем предложениях занимают словосформы, выполняющие функцию дополнения. В составе нового первых трех предложений также присутствуют слова в роли дополнений.

Дополнение может участвовать и в оформлении связи через новое: *Вода в бухте отражала скалы. Изредка их перерезали пласты зеленых, белых и синеватых пород.* (К.Г. Паустовский. Черное море.) Местоимение *их*, занимающее позицию прямого дополнения, является средством связи двух предложений.

Таким образом, знание способности дополнения вступать в разнообразные отношения с управляющим словом, входить в состав известного и нового, оформлять связь через известное и через новое и осложнять предложение дополнительной предикацией дает возможность школьникам более осознанно использовать функциональные возможности этого члена предложения в конкретной речевой ситуации.

Обстоятельство, также входящее в состав сказуемого и характеризующее его, обозначает место, направление, время, причину, цель, условие, образ и степень действия и отвечает на вопросы где? куда? откуда? когда? почему? зачем? при каком условии? как? Обстоятельство и слово, к которому оно относится, связаны между собой циркумстантивной связью и выражают обстоятельственные (адвербиальные, циркумстантивные) отношения: качественные, временные, пространственные, причинные, целевые, условные, следственные, сравнительные и т. д. Значение обстоятельства, его семантические виды находятся в полном соответствии с выражаемыми обстоятельством и определяемым словом отношениями: выделяют обстоятельства места, времени, причины, цели, условия, уступки, образа действия и меры и степени. Причем эта классификация почти не отличается в школьной грамматике и синтаксических исследованиях. Единственным отличием, пожалуй, можно назвать то, что в школьной грамматике не предусмотрено деление обстоятельств на две группы – логические обстоятель-

ва (места, времени, причины, цели, условия, уступки) и характеризующие обстоятельства (образа действия, меры и степени).

Для обстоятельства важна отнесенность его к тому или иному слову в предложении: «...основным синтаксическим назначением обстоятельства в строе предложения является выражение признаков сказуемого. Когда обычный выразитель обстоятельства, наречие, выступает признаком не сказуемого, а какого-либо лишнего предикативных свойств имени в другом члене предложения, оно уже не занимает места обстоятельства» (Мещанинов 1978, 158). Логические обстоятельства в основном занимают приглагольную (*Ученик отстал от других из-за болезни*) и приименную позицию (*Мы купили обои с золотистым по краям кантом*). Характеризующим обстоятельствам также свойственна присловная позиция: 1) приглагольная (*Ребенок красиво рисует*), 2) приадактивная (*Аналитически сложный ход*), 3) принаречная (*Математически верно решить*). Присубстантивная позиция наречия (*Шапка набекрень*) выводит данное слово за пределы обстоятельств в группу несогласованных определений. Логические обстоятельства могут входить в модель предложения, например: *На улице темно; Вечером – дискотека и т. д.*

Логические обстоятельства по своему коммуникативному рангу стоят после главных членов предложения и дополнения. Эта позиция используется для дезактуализации имени агенса – подлежащего изосемической конструкции, ср.: *Петровы опять шумят – У Петровых опять шумят*. Характеризующие обстоятельства вместе с определением занимают самый низкий коммуникативный ранг, хотя эти компоненты могут нести основную смысловую нагрузку в высказывании, например: *Дети читали новую книгу с большим интересом*.

Одним из функциональных резервов обстоятельства можно считать возможность его участия в создании полипредикативности. Одной из наиболее продуктивных осложненных моделей, содержащих дополнительную предикацию и оформляющих добавочное сообщение, но не выражающихся особым оборотом, является конструкция с целевым инфинитивом: *Несколько ребят вернулись убрать за собой поляну*. Вторым резервом обстоятельства как второстепенного члена предложения является его синонимия со сложноподчиненным предложением с обстоятельственной придаточной цели: *Несколько ребят вернулись, чтобы убрать за собой поляну*.

Обстоятельство способно отражать обстановку, в которой происходят события. Особенно велика роль обстоятельств в текстах, содержащих описание места, состояния природы или человека: *Все задумалось вечерней думой. Поле молчало, лежало в бледной темноте. Воздух был сухой и теплый. Звезды в небе трепетали скромно и таинственно. И один только кузнечик неумоимо стрекотал под окнами в черномыльнике, да в степи отчетливо выкрикивал «пять-пальвать» перепел.* (И.А. Бунин. На хуторе.) В данном тексте, построенном по принципу связи через известное в первом предложении, вся новая информация (за исключением позиций в небе и был сухой и теплый) вводится с помощью обстоятельств – и логических (*под окнами в черномыльнике, в степи*), и характеризующих (*вечерней думой, скромно и таинственно, неумоимо, отчетливо*).

При описании места обстоятельства занимают позицию известного и являются средством связи предложений в тексте, оформляя смысловую связь: *Издали, с пригорка, спокойно поглядывают на приезжего длинные бревенчатые дома, вытянувшиеся в цепочку. С противоположной стороны подпирает село высокий холм. На холме шумит березовая роща. Под холмом – ключ. Над ним небольшой теремковый сруб. Между лесами за-теряны поля, засеянные рожью, пшеницей и льном.* (По Ю. Куранову.)

Как видим, обстоятельство также имеет большие функциональные резервы, позволяющие использовать этот член предложения для выражения добавочной ситуации, условий, в которых протекает действие или процесс.

Таким образом, все второстепенные члены предложения имеют общие структурные (участие / неучастие в формировании модели предложения, способ выражения, характер связи со словом, от которого зависят), семантические (значения членов предложения), коммуникативные (коммуникативный ранг, способность осложнять предложение дополнительной предикцией, роль в тексте, способность оформлять определенный вид смысловой связи и быть средством связи предложений в тексте) характеристики.

Знакомство учащихся с функциональными резервами второстепенных членов предложения осуществляется практическим путем и является составляющей обновленного содержания школьного курса синтаксиса русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка / Под ред. М.В. Всеволодовой и С.А. Шуваловой. М., 1989.
 Золотова Г.А. Русский язык: От системы к тексту. 10 кл.: Учеб. пособие. М., 2002.
 Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
 Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. Л., 1978.
 Мигирин В.Н. Принципы изучения членов предложения // НДВШ. Филологические науки. 1961. № 3. С. 38–52.
 Проблемы теории членов предложения. Кишинев, 1974.
 Программы для учреждений, обеспечивающих получение общего среднего образования: С русским языком обучения. Русский язык. Мн., 2003.
 Рабчинская И.А. Функциональные резервы простого предложения. Мн., 1994.
 Семантика слова и предложения. Днепропетровск, 1983.
 Семантика слова и семантика высказывания. М., 1989.

Поступила в редакцию 11.11.2003.

Светлана Васильевна Уклейко – заместитель директора по учебно-воспитательной работе политехнического общеобразовательного лицея г. Борисова, соискатель кафедры риторики и методики преподавания языка и литературы. Научный руководитель – доктор педагогических наук, профессор Ф.М. Литвинко.

О.В. ЛУЩИНСКАЯ

ВЗАИМОСВЯЗЬ ДИСКУРСА И ЖАНРА В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Рассматриваются понятия «дискурс» и «жанр» применительно к сфере печатных средств массовой информации, а также определяется их роль в методике преподавания иностранных языков, в частности, письменной коммуникации.

The two notions «discourse» and «genre» and their application to the sphere of printed Mass Media are considered in this article as well as their role in teaching foreign languages, particularly, for developing writing skills.

Понятие дискурс изучается различными науками, и каждая вкладывает в него свой смысл, свое понимание в зависимости от того, что исследуется в нем. Это явление рассматривается и в контексте различных социальных институтов, соответственно изучаются педагогический, политический, медицинский, религиозный, массово-информационный и другие дискурсы.

В данной статье внимание обращается на дискурс печатных периодических изданий – газет, который является составной частью массово-информационного дискурса, включающего в себя устный (радио, телевидение) и письменный (газеты, журналы). Кроме того, рассматривается соотношение понятий дискурс и жанр в рамках печатных средств массовой информации, а также то, какое практическое значение они имеют в процессе обучения будущих специалистов в сфере журналистики, а именно иноязычной письменной коммуникации.

Дискурс определяется как сложное коммуникативное явление, которое включает в себя кроме текста и социальный контекст, дающий представление об участниках коммуникации, их характеристиках, а также о процессах производства и